

Исторический комментарий

В восьмидесятих годах XVI века на Хенли-стрит в Стратфорде жила семейная пара с тремя детьми: Сюзанной и двойняшками Хамнетом и Джудит.

Мальчик, Хамнет, умер в 1596 году в возрасте одиннадцати лет.

Года через четыре его отец написал пьесу под названием «Гамлет».

Помер, леди, помер он,
Помер, только слег,
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.

*Шекспир У. Гамлет.
Акт четвертый, сцена пятая¹.*

«Имена Хамнет и Гамлет в конце XVI — начале XVII века, согласно архивным записям, были практически равнозначны».

Гринблатт С. Смерть Хамнета и сотворение Гамлета//Нью-Йоркское книжное обозрение. 2004. 21 октября.

---

¹ Здесь и далее цитаты из трагедии У. Шекспира «Гамлет» даны в переводе Бориса Пастернака. — *Прим. пер.*

I

Мальчик спускался по ступенькам.

Узкий пролет винтовой лестницы. Он медленно переставлял ноги, скользя руками по стене, его башмаки с глухим стуком впечатывались в каждую ступеньку.

Немного не дойдя до подножия, он помедлил, оглянувшись на пройденный им путь. И внезапно решившись, как обычно, перепрыгнул через три последние ступеньки. Неудачно приземлившись на каменные плиты пола, он упал на колени.

Поздний день лета выдался душным и безветренным, нижнюю комнату исполосовали длинные лучи света. Солнце заглядывало в дом через оконные решетки, вставленные в проемы желтых оштукатуренных стен.

Он поднялся на ноги, потирая колени. Глянул в одну сторону, к верхнему повороту лестницы, и перевел взгляд в другую сторону, раздумывая, куда же ему лучше направиться.

В камине пустой комнаты едва теплился огонь, под легкими дымными завитками краснели угли. Боль в ушибленных коленях пульсировала в ритме ударов его сердца. Мальчик взялся за щеколду двери, ведущей на лестницу, потертый носок его ботинка поднялся, развер-

нувшись в сторону движения, к лестничному пролету. Его взъерошенные волосы, светлые, почти золотистые, топорщились надо лбом.

Внизу никого не оказалось.

Мальчик вздохнул, втянув в себя теплый пыльный воздух, прошел по комнате и вышел через парадную дверь на улицу. Он пропустил мимо ушей грохот тележек и ржание лошадей, крики уличных торговцев и разговоры людей, не заметил даже, как грохнулся на землю мешок, выброшенный из какого-то верхнего окна. Пройдя вдоль фасада дома, он зашел в соседнюю дверь.

В доме его бабушки и дедушки всегда пахло одинаково: дымящимися дровами, политурой, кожей и шерстью. Похожие запахи, правда, обогащенные иными странными оттенками, витали в соседнем двухкомнатном флигеле, построенном его дедом, где теперь жил он сам вместе с матерью и сестрами. Иногда, задумываясь, мальчик не мог понять, почему так получилось. Ведь эти два дома разделены всего лишь тонкой плетеной изгородью, однако в каждом из них царила своя особая атмосфера, разные оттенки ароматов, даже тепло в них было по-разному.

В большом доме обычно свистели сквозняки и гулял свежий ветерок, в мастерской его деда вечный стук молотков перемежался с обрывками разговоров с клиентами у окна, с хлопотливой суматохой заднего двора и с шумом, производимым снующими туда-сюда дядюшками.

Однако сегодня — все иначе. Мальчик остановился в коридоре, пытаясь расслышать хоть какие-то звуки. Он уже увидел, что находившаяся справа от него мастерская пуста, все стулья и скамьи свободны, инструменты спокойно лежат на верстаках, на подносе брошены перчатки, словно отпечатки рук, выставленные на всеобщее обозрение. Торговое окно закрыто на засов. Столовая слева от него тоже пустовала. На длинном столе виднелась лишь

стопка салфеток, незажженная свеча и горстка перьев. Больше ничего.

Он подал голос, пожелав доброго дня с вопросительной интонацией. Повторил свое приветствие разок-другой. Вытянул шею и покрутил головой, надеясь услышать ответ.

Никакого отклика. Дом сейчас полнился только обезличенными голосами собственной спокойной пустоты: поскрипывали разомлевшие под солнцем балки, еле слышно постукивали двери между комнатами, пропуская через свои щели токи воздуха, чуть колыхались льняные занавески на окнах да потрескивал огонь в камине.

Его пальцы сжали железную дверную ручку. От жаркого дня, пусть даже клонившегося к вечеру, у него на лбу проступили капельки пота. Боль в коленях обострилась и вновь затихла.

Мальчик начал звать домочадцев. Он выкрикивал по очереди имена людей, живущих в большом доме. Своей бабушки. Служанки. Своих дядюшек, тетюшки. Подмастерья. Дедушки. Он произносил все эти имена, одно за другим. У него вдруг мелькнула мысль, что стоит позвать и отца, выкрикнуть его имя, но отец жил сейчас далеко-далеко, в многих часах и даже днях пути отсюда, в Лондоне, где мальчик никогда еще не бывал.

Но где, хотелось бы ему знать, его мать и старшая сестра, где его бабушка и дяди? Куда подевалась служанка? Где его дедушка, ведь днем он обычно никуда не уходил, а торчал в мастерской, подгоняя своего ученика или подсчитывая выручку в гроссбухе? Куда все подевались? Почему же вдруг опустели сразу оба дома?

Он прошел по коридору. Остановился около двери в мастерскую. Оглянувшись через плечо, он убедился, что за ним никого нет, и переступил через порог. Ему редко разрешали входить в перчаточную мастерскую дедушки. Запрещали даже стоять у двери. Стоило ему только поя-

виться там, как дедушка принимался ругаться: «Не торчи там, как бездельник. Разве нельзя позволить почтенному человеку спокойно поработать без любопытных взглядов зевак? Неужели тебе нечем заняться, кроме как слоняться по дому да ловить мух?»

Хамнет хорошо соображал: он с легкостью усваивал школьные уроки. Отлично схватывал логику и смысл сказанного, быстро все запоминал. Он легко заучивал глаголы, разные грамматические правила и времена, риторике, легко проводил расчеты, чем, бывало, вызывал зависть соучеников. Однако его мысли так же легко улетали вдаль. Телега, проехавшая по улице мимо окна во время урока греческого языка, могла отвлечь его внимание от грифельной доски и переключить на размышления о том, в какие края сейчас направлялась эта телега, какие грузы везла, и вызвать воспоминания о том времени, когда его дядя катал их с сестрами на телеге с сеном, о том, как чудесно пахло и щекотно покалывало тело то свежескошенное сено, как громко стучали колеса и цокали копыта усталой кобылы. За последние недели его несколько раз выпороли в школе за невнимательность (а бабушка пригрозила, что если это случится еще раз, хотя бы один раз, то она сообщит его отцу). Учителя не понимали такой его рассеянности. Хамнет быстро учился, легко читал наизусть, но так же легко мог отвлечься от выполнения выданных на уроке заданий.

Услышав пение птицы в небе, он мог замолчать на середине фразы, словно сами небеса вдруг поразили его и глухотой, и немотой. Появление в комнате человека, которого он заметил краем глаза, могло вынудить его прервать занятия — что бы он в тот момент ни делал — обедал, читал, переписывал домашнее задание — и взирать на пришедшего с таким видом, словно он ждал от него особо важного известия. Хамнет имел склонность ускользать за границы реального, осязаемого мира,

переноситься в иные сферы. Физически он мог сидеть в комнате, но мысли его уносились в неведомые дали, где он общался с воображаемыми героями. «Проснись, дитя!» — зывала к нему бабушка, щелкая пальцами перед его лицом. Старшая сестра, Сюзанна, дергая его за ухо, шипела: «Очнись». Учителя тоже порой кричали на него из-за его невнимательности. «Где же ты был?» — шепотом спрашивала его Джудит, когда он наконец возвращался в реальный мир и, оглянувшись, осознавал, что он опять оказался в доме за своим столом, в окружении родных, а его мать поглядывала на него с загадочной улыбкой, словно она-то знала, где именно он блуждал.

И точно так же сейчас, войдя в запретную перчаточную мастерскую, Хамнет размечтался, забыв о земных заботах. Он мгновенно забыл о том, что Джудит стало плохо и ей требуется помощь, что он отправился искать их мать, или бабушку, или кого-то из взрослых, которые знали, как помочь сестре.

Вешалки наполнились разными кожаными материалами. Уже достаточно взрослый Хамнет узнал среди них рыжевато-красную шкуру пятнистого оленя, тонкую и мягкую лайку, мелкие беличьи шкурки, грубую и толстую свиную кожу. Подойдя ближе, он заметил, как эти звериные кожи начали шуршать и покачиваться, словно в них еще оставалось немного прежней жизни и ее хватило для того, чтобы почувствовать его приближение. Вытянув руку, Хамнет коснулся пальцем козлиной кожи. На ощупь она казалась необычайно мягкой, подобной речным водорослям, которые щекотали ему ноги во время речных заплывов в жаркие дни. Они слегка покачивались туда-сюда, когда он, раскидывая руки и ноги, проплывал через них, словно утка или водяной дух.

Обернувшись, Хамнет присмотрелся к двум рабочим местам около верстака: мягкое кожаное сиденье, отполированное до гладкости штанами его деда, и жесткий

деревянный табурет подмастерья, Неда. Мальчик разглядывал развешанные над верстаком на стенных крючках инструменты. Он уже знал, какие из них используются для разрезания или для растягивания, а какие для прокалывания дырок и для сшивания. Он заметил, что более узкие перчаточные распялки — их использовали для женских изделий — сняты с крючка и оставлены перед табуретом Неда, именно там парень обычно сутулился, склонив голову, а его чуткие и ловкие пальцы быстро выполняли порученную ему работу. Хамнет знал, что его дедушке достаточно любой малости, чтобы отругать Неда, а то и дать подзатыльник, поэтому мальчик взял перчаточные распялки и, оценив теплую весомость их дерева, повесил на нужный крючок.

Он уже собирался открыть ящик, где хранились клубки ниток и коробки с пуговками — осторожно и медленно, ведь он уже знал, как предательски скрипит этот ящик, — когда до него донесся странный шум, то ли шарканье, то ли царапание.

В одно мгновение Хамнет выскочил из мастерской и, промчавшись по коридору, выбежал во двор. Он вспомнил о своем деле. Зачем же он попусту тратил время в мастерской? Ведь его сестра-двойняшка заболела: ему нужно найти того, кто поможет ей.

Он рывком открывал, одну за другой, двери летней кухни, пивоварни и прачечной. Все они оказались пустыми, темными и прохладными. Он вновь начал призывно кричать, уже слегка охрипшим голосом, его горло саднило от крика. Привалившись к стене кухни, он пнул ореховую скорлупку, и она пролетела по двору. От полнейшего одиночества он пришел в крайнее замешательство. Куда же все подевались? И что ему теперь делать? Как они могли все исчезнуть? Почему дома нет ни мамы, ни бабушки, ведь обычно они всегда хлопотали по хозяйству, готовили что-то в печке или варили в кастрюлях

на плите? Озираясь, он стоял во дворе около дорожки, поглядывая то на вход в пивоварню, то на дверь их флигеля. Куда же ему теперь идти? К кому обратиться за помощью? И где вообще все взрослые?

* * *

Всякая жизнь имеет свое ядро, свое средоточие, свой очаг, где сходятся все начала и концы. Вот он зыбкий опасный момент отсутствия матери: ее сын в опустевшем доме, всеми покинутый двор, безответные призывы. Он маялся в растерянности на задворках родного дома, призывая людей, которые кормили, пеленали, укачивали его, держали за руку, когда он делал первые шаги, учили есть ложкой, дуть на похлебку, остужая еду, осторожно переходить улицу, не будить лихо, пока оно тихо, мыть кружку перед питьем, не заплывать на глубину...

Это будет тяготить материнскую душу всю оставшуюся жизнь.

* * *

Шаркая подошвами по земле, он обошел весь двор. Заметил следы брошенной игры, в которую недавно играли они с Джудит: они возились с котятами жившей при кухне кошки, размахивая перед ними привязанными к веревочкам сосновыми шишками. Эти детеныши со смешными глазастыми мордочками прыгали и крутились, пытаясь своими мягкими лапками поймать шишки. Кошка родила их в кладовой, забравшись в пустую бочку, и долго прятала их там. Бабушка Хамнета повсюду искала этот приплод, намереваясь, как обычно, утопить всех котят, но кошка упорно мешала ей, оберегая их тайное место, и теперь уже два подросших котенка свободно бегали, где им вздумается, забирались в мешки, гонялись за перышками, клочками шерсти и упавшими листочками. Джудит обожала их и никогда не оставляла надолго.